

Эмманюэль Синьоре (Emmanuel Signoret, 1872–1900)

Le vaisseau

Le vaisseau parfumé de couronnes de roses
Et dont le flanc de cèdre au soleil respire
Sur la vague à glissé loin des plages moroses
Et sur la terre et sur la mer il est midi.
Sur les forêts d'ormeaux brillants et sur les sables
Il est midi! le vaisseau craque et tremble aux vents
Et l'homme tend ses bras aux cieus imperissables
Et la terre est vivante et les cieus sont vivants!
On tend la voile d'or, son ombre est rayonnante;
Au loin les chênes noirs et les verts citronniers
Décroissent sur la rive et la vague tonante.
Découpe, à son fracas, le chant des naufragés:
« Adieu lacs blanchissants, chènes, torrents, vallées,
« Antres pleins de ruisseaux et fermés de rochers!
« Nous montons sur les mers par les brandis voiles
« Car la terre est sans fruits, car les dieux sont cachés.
« Tu parts d'Orient, lumière; le grand âge
« Tant tu bus d'océans, tant tu gravas de monts,
« O lumière! a fêlé ton éclatant visage.
« Nous ne te voyons plus, lumière, et nous l'aimons.
« En ancrés nous avons courbé le fer des coutres;
« Les vagues vent des sillons dans la vague soufflée,
« Nous avons emporté les sources dans des outres,
« Du bié de nous moissons le vaisseau s'est enfié.
« Là-bas l'autre soleil se forme aux cieus fertiles,
« Entre nos bras nerveux nous le ramènerons.
« Sur les îles des mers nous sémérons des villes
« Au tonnerre des luths et des fougueux clairons!
La proue est un massif de roses; sur la poupe
Ces hommes qui portaient leurs cœurs le destin
Mangèrent, le soleil se coucha dans leur coupe,
Le sommeil les raidit sculptés sur le festin.
Seul le pilote veille et l'écume démente
Dont le beau char d'argent fend les nocturnes airs
Guide, étendant sur eux sa torche palpitante,
L'équipage endormi qui flotte sur les mers.

Les alcions

J'ai peut des souvenirs...
1.
O prêtresse élevant sous le laurier verdâtre
Une eau d'antiques pleurs dans le creux de tes mains,
Tes yeux sacrés feront respire mes chemins,
Les mains couronneront de cèdre un jeune père!
Mes cheveux s'étendront sur le ciel; mes bras nus
S'en viendront secouer les colonnes du temple!...
Pour que s'élançe aux cieus et réunisse plus ample
L'éclat des lampes d'or de l'antique Venus.
2.
Sur les prés scintillaient les larmes d'une race,
Mais le soleil dorait l'urne des lys séchés,
Les parfums des bouquets rendait la vague lasse
Et près des flets bônés, nous nous sommes couchés!
Ma barque emportera sous la lune marine
Ma ténébreuse sœur plus belle que les mers,
Les flets la jeteront souvent sur sa poitrine,
Ses deux lèvres boiront mes vieux soumens amers!
3.
Car les beau bras d'enfant ont une étreinte telle,
Ses mains ont soulevé tant de mes vains remords
Que tous mes souvenirs tomberont devant elle
De mon cœur en silence, ainsi que des fruits morts.
Elle m'a réservé de si graves souvenirs!
Qu'un chant de vague sonne à mon luth en courroux;
Ses cheveux sont des lys d'orange aux noirs calices,
Les roses du rivage ont baisé ses genoux!
4.
Et je la bercerais de tels chants sur la vague
Que les chènes sur la plage tressailliront!
Les vents de mers souleront à tes pieds la vague,
Les astres printaniers parfumeront son front.
Que le chant des oiseaux de mer a d'amerturne!
Vas-tu sécher encore mes pleurs de tes cheveux?
Quand les mains ont flotté sur mon luth... Brume
A mes tempes chantait tout le sang des alexis!

Les oliviers

L'alle en fureur, l'hiver sur les monts vote et vente:
Du sang glacé des fleurs se passent des jansiers:
Votre pleine verdure étincelle vivante,
Vous, oliviers que j'aime, oliviers, oliviers!
Votre dre fortuné. C'est Palais qui l'enfantait!
Sa mamelle est d'argent, jadis vous y buviez;
Vs fruits broyés trempaient de flamme et d'épouante
Les muscades des luteurs par les dieux envités,
Les siciles gardèrent ma voix sous le fage en âge
Mon front respindria sous un triple feuillage;
Car à mes beaux lauriers, à mes myrtes nouveaux,
Vous dont le sang rouille, vous avez arrosé les lampes,
Sacrés oliviers d'or, vous jolignes vos rameaux
Pour courber la couronne immortelle à mes tempes.

Elegia II

Au cimetière de Tivoli.
La colonnade en marbre éclate sur le ciel:
Sur les cyprès fleuris puisant un sombre miel
Ère un troupeau léger d'abelles rouissantes,
La source à la clarté jointe aux ombres naissantes,
Ou maint spectre s'assied d'eau vivante abreuvé.
Quand l'astre couronné de lys sera levé,
Diane aux voiles blancs, l'oeil clos sous sa couronne,
Que la brise du fleuve grandit l'effluve!
Nous mettrons aux bergers des flambeaux dans les mains,
Nous leur dirons: «Venez, par torrents, aux chemins
La lumière opulente assésse les ombres...»
De la maison sans joie allez! brisez les portes!
L'oeil de l'homme à du ciel les charmantes couleurs,
Les membres parfumés des enfants sont des fleurs
Ou, du pollen des dieux, l'homme voi fracturie!
Des sépultres brisés jaillit l'aube de vie!

Elegia III

Je ne veux pas mourir, la vie est douce et grande:
J'ai vu sur l'amandier verdir la jeune amande
Et les fruits du pêcheur s'enfler comme des seins.
Muses! vous soutenez mes plus hardis dessins.
Ma parole de feu vous l'a enflamée
Pour qu'elle soit enfin des races écoutée.

Корабль

Оннен сверкает борт из лакового кедра,
Горят гирлянды роз на реях корабля:
Он вышел в плавные, благоухаю щедра,
В зените новый день, и позади зелене,
С промолгой сестростью, с дождем он рад разлуке,
Он вышел в плавные, доверясь парусам.
Свежеет бриз, скрипит смелый трос, и руки
К неумирающим простерты небесам.
Надулись паруса, верхушки рощ лимонных
И черные дубы исчезли, не успев
Дослушать в грохоте валов неугомонных
То прорываемый, то крещеный навет:
«Прощай, озерный край, и дод, и бор зеленый,
И горы, стлещие под ровный шум воды,
Над безмолвием скачущим туманной волной,
Нет на земле богов, и высохли плоды.
Благословенный свет, пришедший к нам с Востока,
Взбираясь на хребты, ты припадаль к волнам,
Но время и тайе составило жестокое,
Желанный, ты теперь почти не виден нам!
Играет в парусах старинный ветер пащен,
Стальные валены мы чулки в якорь,
Водой наполнили меха – нам зной не страшен!
Зерном заспанн триум – мы двинулись в море!
Светило новое зачато сводом синим,
От крови наших жгт пылава горючей,
На южных островах мы города раскинем
Под лютыеи трезвою и гимны трубачей!»
Форштевень розыи унит, всецелый укин
Скачует на корню отмененных судайю,
В бокалы лет закят, матросский сон заслужен,
Над изваяниями отбавроел отбой.
И только рулевой следит за небом дышанем,
Где колесницы блеск, где к чудотворным снам
Диана факелом ведет гостеприимным
Усталый экипаж, скользящий по волнам.

Алкконы

Я боюсь воспоминаний...
1
О жреческая дочь, рыданий древних плагу
Ты мне во впадинах ладоней принесла,
Свивая кедр вокруг пастьущего чела,
Дорогу смутному указывая шару,
Мне везеи дождя расстреплет на бегу.
Я к храму поднимусь по каменному склону,
Я расшатать дерзну опорную колонну,
Венеры гаснущий светилиник разожу.
2
На травах росыи слез висит, блестя до дрожи,
Сужую лилию из амфоры достану!
Из благодатных волн мы стискали локте,
Когда безберозый дуриан томил гортане,
На барке под морской всевидящей луною
Я увезу свою печальную струю.
На груди мое не раз шарынет ее волною,
Я горечу давних снов лобзаями сотру.
3
В ее млadenческих объятиях я бивдею,
И так слова ее постыдному чужды,
Что сердце, замолчав, роняет перед нею
Воспоминания, как мертвые плоды.
В ней спрятан для меня восточный волшебный,
Такой, что лютый звон, как шотри, громкоговосит!
И розы берегов целуют ей колени,
И черным лилиям подобен блеск волос!
4
Я услылю ее такою колыбельной,
Что встанет пенный вал во весь огромный рост,
И буря зашумит над расшей корабельной,
И вспыхнет лоб ее от ароматных звезд.
Нет ничего в морском тумане бесприютней,
Чем крики гищи, а в мечтаю искущи
В шепках твоих волос рыдания древней лютной,
И кровью, что бьет в виски, кровью предков – заглуши!

Оливы

Насытит кровью роз, влача крыло в снегу,
Завыл, задул в горах вьюхар прелестный.
Одны вы зелены! Сильнее не могу,
Оливы, вас любить, оливы, ах, оливы!
У матерских тайн Паллады вы в долгу,
Питаясь молоком божественным взросли вы,
И масла вашего густые переливай
На мускулах борца внашали страх врагу,
И мировой войны вы были зародыш
И к этому двум венкам венок прибавлю новый:
Гремещая слов моих стелется не сотру!
Один из тех, что кровью возвышенную
Склонясь под даймоу, в ночной вливает труд,
Бессонный лоб листвою олиwkовой украшу.

Элегия II

На кладбище в Тиволи
Столпы из мрамора на фоне белой выси
И мед на золотом, медовом кипарисе,
Облепленной густым мушкетерским рыжик вездом,
Ручей толпу теней прожогом прелестной,
Зеркальность подмешка к новорожденным владом.
Звезда ночей идет туманном небосводом,
Влеполет лилии, Диану увенчав,
И мертвою пылью ступишь виванч!
Вернем же факелы бессонным колосам:
«Светите, – скажем Мы, – во мраке सदоловам!
Долгою мертвечиной Сарпате поскобля,
Завос с безжизненных, безрадостных дварей:
Заря с людским зрачком богатством крадет схожа,
Душаста, как цветы, млadenческая жожа,
Божественной пыльюи лютбой из нас закят,
И трещины гробов, как солнце, жизнь лучат!»

Элегия III

Я смерти не иду в мечтах о чудовальном:
Опять заветный мандаль на дереве мидальном,
И перски круглы, как перси оных дед,
О музю, держую душою оладва,
Вы разломл мой стик, – он пылок, он возмашен!
Хочу, чтоб наконец он всеми был услышан!

From:

<http://dubrovkin.imwerden.de/> - **Персональная страница Романа Дубровкина**

Permanent link:

<http://dubrovkin.imwerden.de/doku.php/signoret>

Last update: **2013/05/27 13:45**

